

Список цитируемой литературы:

1. Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С. История советского уголовного права. 1919–1947 гг. М., 1948.
2. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. СПб., 2002.
3. Ныrkova Н. А. Институты Общей части уголовного права в истории советского законодательства и действующего УК РФ. Ростов-н/Д., 2006. С. 23–24.

The list of the quoted literature:

1. Gertzenzon A. A., Greenhouse Sh. S., Durmanov N. D., Isaev M. M., Utevskiy B. S. History of the Soviet criminal law. 1919–1947. M., 1948.
2. Konyakhin V. P. Theoretical principles for compiling of the General part of the Russian criminal law. SPb., 2002.
3. Nyrkova N. A. Institutions of the General part of the criminal law in the history of the Soviet legislation and current Criminal Code of RF. Rostov-on-Don, 2006. P. 23–24.

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР
1919 ГОДА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**INSTITUTIONAL BASES OF GUIDELINES
BEGINNING TO THE CRIMINAL LAW OF THE RSFSR
1919: HISTORICAL ASPECT**

Усенко С.П.

*заместитель председателя Законодательного
Собрания Краснодарского края
(г. Краснодар)*

Usenko S.P.

*Deputy Chairman of the Legislative
Meetings of the Krasnodar Territory
(Krasnodar)*

Ключевые слова: Руководящие начала, уголовное право, система, институт, норма, преступление, наказание.

Аннотация: Статья посвящена анализу развития доктринальных представлений об уголовно-правовых институтах в ранний советский период. Одной из теоретических основ большевизма стал тезис – смерть закону. Цель исследования – раскрыть с учетом задач советского уголовного права, которые заключались в защите завоеваний революции, содержание институтов уголовного права в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года.

Автор приходит к выводу, что, несмотря на попытку отказа от права, социалистическое государство объективно нуждалось в уголовном законодательстве, в том числе в уголовно-правовых институтах.

Keywords: Governing principles, criminal law, system, institution, norm, crime, punishment.

The summary: The article is devoted to the analysis of the development of doctrine perceptions of criminal law institutions in the early Soviet period. One of the theoretical foundations of bolshevism was the thesis – the death of law. The purpose of the study is to disclose, taking into account the tasks of Soviet criminal law, which were to protect the gains of the revolution, the content of criminal law institutions in the Guiding principles for criminal law of the RSFSR of 1919.

The author comes to the conclusion that, despite the attempt to renounce law, the socialist state objectively needed criminal law, including criminal law institutions.

В какой-то мере современный этап уголовно-правовой реформы проходит те же ступени, что и сто лет назад, только в значительно меньших масштабах, сопровождаясь меньшими потрясениями. Обращение к драматичному опыту становления советского уголовного права в значительной степени низводит сегодняшние противоречия до локальных масштабов и одновременно позволяет моделировать дальнейший ход реформ.

Поступательное развитие российского общества и правовой системы Российской империи, в том числе и уголовного права, были прерваны событиями 1917 года. В каком-то смысле они подвели черту под неутешительным итогом функционирования власти и государства, где общим выводом была несостоятельность всех социальных институтов, включая мораль и право. Одновременно они направили развитие по иному эволюционному пути, секуляризовав общество; возведя в абсолют коллективную форму собственности, переосмыслив феномены крестьянской общины и православной соборности; заменив разделение властей единовластием Советов; установив равенство полов и подменив право политической целесообразностью.

Слом существовавшего уклада жизни, отсутствие чёткого видения перспектив построения нового общества, попытка отказаться от буржуазных представлений о праве и морали привели к построениям многочисленных самостоятельных моделей общественных отношений, с разной степенью успешности конкурировавших с устоявшимися буржуазными системами.

Одномоментное замещение буржуазного права было невозможно, но логика революционных преобразований вела к достаточно интенсивному обновлению как процессуальных, так и материальных источников права, где во главу угла ставилась революционная целесообразность, а не системность и научная проработанность нормы. Потому царское законодательство, сколь угодно передовое для своего времени (например, Уголовное уложение 1903 года), как в силу ряда исторических причин, предшествующих октябрьским событиям, так и в связи с указанными подходами новой вла-

сти не только в виде источника права, но и как готовый конструкт для подготовки советского уголовного закона не было востребовано новым законодателем.

Напротив, все наработки царского периода демонстративно «отметались». Так, Декрет СНК от 24 ноября 1917 г. «О суде» № 1 предусматривал возможность судов руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию¹. Но уже Декрет СНК от 20 июля 1918 г. «О суде» № 3 полностью исключал дореволюционное законодательство из числа источников советского уголовного права. Так, ст. 3 данного Декрета устанавливала правило, что в качестве единственного основания применения уголовного наказания подлежат использованию декреты Рабочего и Крестьянского Правительства и социалистическая совесть².

Заданный первыми декретами вектор развития советского законодательства как движения народных масс, «творящих революционное право», затрагивает и уголовное право, которое утрачивает черты формальной определенности, по сути заменяется квазиобычными нормами, а на практике в этот период представляет собой самосуд. И первые акты, среди которых нет чисто уголовно-правовых, носят комплексный характер, затрагивая процессуальное и материальное право, судостроительство, хозяйственную деятельность, и преследуют воспитательные цели, направ-

¹ Декрет о суде. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957; то же [Электронный ресурс]. – URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/>.

² Декрет о суде № 3 от 20 июля (5 декабря) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964; то же // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

ляют массы, которые должны «интуитивно» формировать социалистическое право, не основанное на форме, но наполненное новым классовым содержанием, не нуждающимся в конкретных предписаниях. Поэтому попытка создания нового советского уголовного уложения, предпринятая левыми эсерами под руководством народного комиссара юстиции И. З. Штейнберга, была обречена на провал. П. И. Стучка, сам являясь с это время членом наркомюста, а позже наркомом юстиции, отмечал, что старые законы были «сожжены», и напрасно из уцелевших в этом пожарище обожженных листочков некоторые из наших революционеров стали кроить «уложения русской революции» (проект левых эсеров, весна 1918 г.) вместо того, чтобы творить действительно новые революционные законы. Пролетарская революция обязывает к творчеству¹.

Составленная левыми эсерами Инструкция местным и окружным народным судам о применении уголовных законов, которую сами авторы называли «Свод законов русской революции. Часть пятая. Уголовное уложение. Издание 1918 года», противоречила самому духу советского законодательства, шла вразрез с упомянутыми декретами советской власти, указаниями партии и высказываниями В. И. Ленина и других вождей революции о революционном правотворчестве. По сути, это и был первый советский уголовный кодекс, к тому же построенный на принципах, противоречащих большевистской уголовной доктрине, и, что самое главное, сохранивший преемственность с дореволюционным правом.

Очевидно, что это обстоятельство существенным образом повлияло на тотальное игнорирование практикой и исследователями советского периода данного акта, ведь в основе Инструкции лежало сокращенное и переработанное Уголовное уложение 1903 года, в которое было инкорпорировано и советское право раннего периода. Потому первый проект «чисто» уголовного закона советской России, построенный по классической пандектной системе и повторяющий передовые идеи буржуазной систематики построения нормативно-правовых актов, был обречён стать правовым памятником без правоприменительной практики и одновременно инструкцией для будущих советских законодателей «как не надо де-

лать», чтобы не повторять судьбу советского уголовного уложения. Сами того не желая, авторы уголовного уложения представили образец, уход от которого на практике стал наиболее жизнеспособной формой советского нормативно-правового акта, в связи с чем можно сделать вывод, что максимально возможная формальная «непохожесть» на него являлась одним из системных требований при разработке Руководящих начал по уголовному праву РСФСР (далее по тексту – Руководящие начала).

Поэтому при подготовке Руководящих начал в силу политических причин пришлось отказаться или, по меньшей мере, сделать попытку отказа от всего научного багажа дореволюционной науки, тем более что оно создавалось не столько представителями юридической науки, сколько практическими деятелями советской юстиции. Это позволяет говорить в известном смысле о «втором пришествии» в Россию практической, прикладной юриспруденции, для которой, само собой разумеется, теоретические обобщения, в частности вопросы оформления и систематизации институтов уголовного права, были чрезвычайно далеки².

Из этого утверждения следует вывод, что пытаться анализировать Руководящие начала инструментами, созданными для исследования нормативно-правовых актов в иной доктринальной парадигме, например, изучать форму путём сравнительного рассмотрения, малопродуктивно. Тем не менее написать нормативно-правовой акт, полностью свободный от прежнего правового опыта и научного багажа, нереально. Сама форма правового документа с неизбежностью будет приводить к устоявшимся правовым конструкциям. Потому авторам, готовившим, по сути, уголовно-правовой декрет новой власти, поневоле пришлось минимально использовать институты и иные формальные особенности, известные буржуазному праву. Это даёт возможность согласиться, с известными оговорками, с позицией как тех авторов, которые вслед за самими разработчиками считают, что произошло разрушение сложившейся системы уголовного права, отказ от наработанной веками и теоретически обоснованной традиции изложения

¹ Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931. С. 151.

² Жук М. С. Формирование представлений об институтах уголовного права в истории отечественной науки // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 2.

уголовно-правовых норм, от формы и от содержания прежнего уголовного закона¹, так и тех, кто разрыв легитимной преемственности объясняет как преемственность фактическую². Представляется, что «фактическая преемственность» в данном случае носит случайный характер, является вынужденной мерой, обусловленной подготовкой документов зачастую в условиях цейтнота, «за полчаса на коленке», как писал позже П. И. Стучка, хотя справедливо и то, что принятию Руководящих начал предшествовало достаточно времени, чтобы проработать текст до полного исключения буржуазной юридической техники.

Поскольку советская доктрина воспринимала преступление как реакцию на социальную несправедливость, главенствующую в классовом обществе, либо врождённое свойство эксплуататорских классов (по мере продвижения к коммунизму любое противоправное деяние должно было исчезнуть как не свойственное бесклассовому обществу), то обоснованным представлялся тезис об отсутствии необходимости устанавливать номенклатуру запрещённых общественно опасных деяний: сегодня запрещено всё, что вредит классу-гегемону, а завтра самих преступлений не останется. Отсюда вытекает более чем двухлетнее отсутствие вообще какого бы то ни было «чисто» уголовно-правового акта. Практическая потребность в нём удовлетворялась в межотраслевых законах-декретах в качестве охранительных по отношению к регулируемому этими актами предмету.

Однако даже такой скудный материал позволяет говорить о наличии социальной потребности, которая обусловила принятие Руководящих начал, являющихся определённой совокупностью взаимосвязанных правовых норм, направленных на разрешение противоречий в обществе. Следовательно, как отмечали В. Д. Филимонов и О. В. Филимонов, возникла необходимость в установлении такой совокупности правовых норм, чтобы снять и

разрешить противоречия в общественной жизни, которые явились причинами преступного поведения во время переходного периода к коммунизму³. Указанные обстоятельства составляли авторов первого советского уголовно-правового акта отбирать именно такие нормы, чтобы сформировать модель определённого комплекса правил поведения, что, в конечном итоге, и привело, помимо их воли, к формированию институтов советского уголовного права. В основе своей они совпадали с существующими в науке уголовного права и в до-революционном законодательстве институтами, но были значительно усечены.

Как отмечал М. С. Жук, формирование системы институтов уголовного права непосредственно связано с основными этапами развития уголовно-правовой науки. В первой трети XIX в. практическая юриспруденция и историческая школа права свели в единый хронологический список все изданные нормативные предписания, касающиеся вопросов преступления и наказания; представители систематической школы дополнили хронологический принцип систематизации предметным и четко обособили уголовно-правовые предписания от положений процессуального (в XIX столетии) и уголовно-исполнительного (в середине XX столетия) права; позитивистская методология классической школы уголовного права обеспечила тщательную разработку не только правовых форм регулирования общественных отношений, но и всех необходимых понятий и категорий для описания внутренней структуры уголовного права; социологическая и антропологическая школы обеспечили появление в уголовном праве целого ряда новых для начала XX в. институтов⁴.

Кроме того, развитие отечественного уголовного права характеризуется двумя содержательно тождественными циклами, где водоразделом служит 1917 год. На первом этапе каждого цикла создание уголовно-правовых норм осуществлялось в межотраслевых актах, затем происходила кодификация с последую-

¹ Жук М. С. Учение об институтах российского уголовного права: концептуальные основы и перспективы развития. М., 2013. С. 25.

² Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 57-58; его же. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 17.

³ Филимонов В. Д., Филимонов О. В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. М., 2014. С. 104-105.

⁴ Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 11-12.

щим структурированием и развитием институтов как реакция на изменяющиеся условия социальной среды. Здесь Руководящие начала выступили в роли, аналогичной Русской правде и другим ранним уголовным памятникам, дав старт новому циклу, с той лишь разницей, что новаторски отказались от номенклатуры преступлений и наказаний в пользу общих положений с частичным заимствованием старых, дореволюционных институтов уголовного права.

Поскольку каждый институт уголовного права в своем развитии от появления отдельной правовой нормы и её совершенствования через уточнение и формирование специальных для этой новой группы норм положений до закрепления этой новой структуры в тексте закона должен последовательно пройти все этапы, а законодатель сам лишил себя возможности использовать прежние наработки, старые институты были частично руинированы, выхолощены до одной нормы, а многие полностью демонтированы, что привело к разбалансировке уголовно-правовой системы, невозможности полноценного выполнения ею функций и регрессу не только формы, но и содержания. Но поскольку, как было указано во введении, осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство, как организацию насилия, и право, как функцию государства¹, это не являлось проблемой, так как носило временный характер на период борьбы с классовыми противниками пролетариата. Нормы введения и раздела I, в частности статей 1 и 3, можно, таким образом, рассматривать как своеобразный новый *институт классового подхода*, состоящий из базовых предписаний, по значению выделяющихся из массива классических институтов, и являющийся ключевым для понимания системы советского уголовного права.

К сожалению, Руководящие начала не избежали участи первых советских декретов, в которых уголовно-правовые нормы были включены в акты о судеустройстве, зеркально получив в разделе II норму, не относящуюся к уголовному праву.

В то же время преемственность с дореволюционным правом проявилась в наличии двух центральных категорий отрасли – преступления и наказания. В настоящее время нет единства в части отнесения данных понятий к институтам либо более глубоким, фундаментальным понятиям уголовного права, на институциональном уровне обобщениям, но применительно к Руководящим началам их можно рассматривать в качестве институтов ввиду лаконичности как самого законодательного акта, так и смысловой нагрузки этих дефиниций в нём.

Так, раздел III включает институт понятия преступления. При этом законодатель отказался от разделения преступлений на категории в зависимости от их тяжести. Статья 16 содержит норму, которая ещё не созрела до полноценного субинститута, но содержит уточнение, касающееся обстоятельств, исключающих преступность деяния, что в совокупности с нормами статей 5 и 6 и составляет этот институт. Данную норму можно было бы рассматривать и как основу института правомерного причинения вреда, но анализируемый нормативный акт не содержит других положений, позволяющих прийти к подобному выводу.

В то же время институту неоконченного преступления уже выделен самостоятельный раздел IV «О стадиях осуществления преступления», в чём чувствуется отдалённое влияние дореволюционного уголовного законодательства. Самостоятельное оформление получил и институт соучастия в преступлении, состоящий из четырёх статей.

Большая часть раздела III посвящена институту наказания или уголовной ответственности, в котором содержатся нормы, имеющие отношение к понятию и целям наказания. Институт назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности раскрывается в нормах статей 9-12. Институт ответственности несовершеннолетних состоит из одной статьи 13, а потому не имеет самостоятельного структурного обособления и может рассматриваться наряду с другими нормами статей 14 и 15, куда входят обстоятельства, исключающие преступность деяний, как одноимённый институт.

Исходя из этих же соображений, к данному институту можно отнести и норму, регулирующую необходимую оборону, предусмотренную ст. 15. На данном этапе указанные правила пока ещё не имеют должного оформления, состоят из одной нормы, представляют из себя «зародыши» институтов и их вычленение носит достаточно условный характер.

¹ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: постановление НКЮ от 12 декабря 1919 года // Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991 / под ред.

О.И. Чистякова. М., 1997. С. 63.

Напротив, институт понятия и видов наказания получил оформление как в нормах раздела III, так и в самостоятельном разделе VI «Виды наказания», состоящем из одной статьи. Аналогично и норма статьи 26, из которой состоит раздел VII, потенциально должна составлять ядро института условного осуждения, но в силу незрелости её приходится относить к институту назначения наказания. Кроме того, использованное законодателем понятие «наказание в виде заключения под стражу» не имеет прямого аналога в номенклатуре наказаний, содержащейся в статье 25, и требует корректировки, чтобы однозначно относиться к элементу нормы пункта «н».

С большой натяжкой норму, содержащуюся в статье 27 раздела VIII, можно отнести к институту пределов действия уголовного закона, поскольку она также является ядром для оформления потенциального института.

Ключевыми недостатками Руководящих начал явились, на наш взгляд, два момента: полное исключение Особенной части и отсутствие в них понятия «вины». Вместе с тем учение о виновности и его большая или меньшая глубина есть как бы барометр уголовного права, показатель его культурного уровня¹. Впрочем, на практике этот институт неизбежно учитывался при индивидуализации ответственности и назначении наказания, о чём могут свидетельствовать и его «следы» в нормах статей 10-12, 25, 26.

Идеологическое неприятие всего того, что было накоплено буржуазной наукой, естественно, отразилось и на доктрине уголовного права, привело к пренебрежению проблематикой, связанной с внутренним строением уголовного права и систематикой его институтов.

В целом, несмотря на значительный регресс формы нормативно-правового акта, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР по своей структуре унаследовали некоторые черты дореволюционного уголовного законодательства, например, двучленную рубрикацию. Подобно Уголовному уложению 1903 года весь нормативный материал разбит на разделы и статьи. В то же время большинство совпадений могут носить случайный характер, обусловленный прежним опытом формальных законодателей, так как осуществлялась попытка полного изменения законодательной парадигмы, где совпадения с буржуазным опытом считались однозначно недопустимыми. При этом уникальность Руководящих начал заключалась в том, что в этом акте впервые в истории выражен классовый подход к уголовному законодательству, заложены основы нового уголовно-правового «алфавита». В нём и состояло коренное отличие советского уголовного права от буржуазного. Значение этого фактора существенно повлияло на дальнейшее развитие советского уголовного законодательства и отчасти проявляется и в современной уголовно-правовой практике.

¹ Фельдштейн Г. С. Природа умысла // Сборник правоведения и общественных знаний. М., 1898. С. 2.

Список цитируемой литературы:

1. Жук М. С. Формирование представлений об институтах уголовного права в истории отечественной науки // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 2.
2. Жук М. С. Учение об институтах российского уголовного права: концептуальные основы и перспективы развития. М., 2013.
3. Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2013.
4. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002.
5. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2002.
6. Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931.
7. Фельдштейн Г. С. Природа умысла // Сборник правоведения и общественных знаний. М., 1898.
8. Филимонов В. Д., Филимонов О. В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. М., 2014.

The list of the quoted literature:

1. Zhuk M. S. Formation of ideas about the institutes of criminal law in the history of domestic science // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 2.
2. Zhuk M. S. The doctrine of the institutes of Russian criminal law: conceptual foundations and development prospects. M., 2013.
3. Zhuk M. S. Institutes of the Russian criminal law: concept, system and development prospects: abstract. dis. ... doctor. legal sciences. Krasnodar, 2013.
4. Konyakhin V.P. Theoretical Foundations of the General Part of Russian Criminal Law. SPb., 2002
5. Konyakhin V. P. Theoretical Foundations of the General Part of Russian Criminal Law: Abstract. dis. ... doctor. legal sciences. Krasnodar, 2002.
6. Stuchka P. I. 13 years of struggle for the revolutionary Marxist theory of law. M., 1931.
7. Feldstein G. S. The nature of intent // Collection of jurisprudence and public knowledge. M., 1898.
8. Filimonov V. D., Filimonov O. V. Institute of Law. Institute of Criminal Law. Institute of Penal Law. M., 2014.